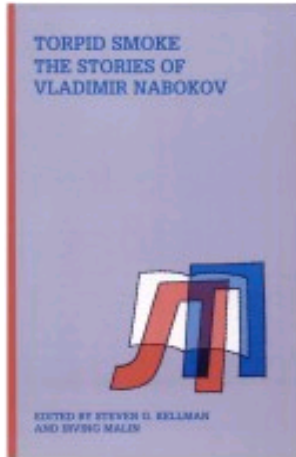


***Torpid Smoke: The Stories of Vladimir Nabokov*, ed. by Steven G. Kellman and Irving Malin. (Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XXXV). Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi, 2000; ISBN 90-420-0719-2; 246pp., £29.11.**



Данный сборник содержит работы двенадцати авторов из трех стран, главным образом из США. Книга вышла в 2000 году и посвящена такой сравнительно мало изученной части наследия Владимира Набокова, как рассказы. Статьи не едины по методу, и в книге можно найти как примеры подробного прочтения одного рассказа, так и широкие и довольно смелые критические обобщения; как лирические излияния, так и феминистскую критику. Однако книга выстроена хронологически: от статей, посвящённых самым ранним русским рассказам Набокова, до работ о последних рассказах, написанных по-английски.

Сборник интересен как раз экспериментаторским подходом, поиском метода. В разных работах можно увидеть не только плодотворное использование уже отработанных схем, но и поиски обобщающих моделей для «топики» набоковедения. Среди работ первого типа нужно прежде всего указать статью проф. Джулиана Коннолли о сверхъестественном у раннего Набокова, где прослежена эволюция отношения писателя к сверхъестественным элементам в его малой прозе: от «наивного» украшения в византийском духе (лешие, ангелы, библейские персонажи) в «Ударе крыла», «Мести», «Грозе», к более тонкой и

менее проговоренной потусторонности в «Рождестве», «Возвращении Чорба» и «Сказке». Среди работ второго типа, т.е. тех, в которых делаются попытки подвести некую систему под «топику», общеизвестные места набоковедения, можно указать на «Набоков и призма искусства» Виктора Страндберга и особенно «“Василий Шишков” Набокова: Автор = Интерпретация текста» Максима Шраера, а также статьи Кристиана Морару (о “The Assistant Producer”), Р. Г. В. Дилларда (о рождественских рассказах Набокова), Нассим Балестрини (о «Музыке» Набокова и «Крейцеровой сонате» Толстого), Стивена Келлмана (об «Оповещении»), Дж. Э. Риверса (о французском тексте «Mademoiselle O»), Брайена Уолтера (о “A Forgotten Poet”) и Линды Вагнер-Мартин (о “The Vane Sisters”).

Здесь бы хотелось сказать об одном таком «общем месте» и о том, как его интерпретируют разные исследователи. Виктор Страндберг пишет:

Что дает нам Набоков вместо Фрейда, Маркса и ЭмЦе Квадрат, – это непостижимую реальность индивидуального сознания со всей его эгоистической причудливостью и ненадежностью, и это-то главенство субъективного над объективным и составляет ключ ко всему творчеству Набокова. (с. 192, наш перевод)

Далее Виктор Страндберг пишет о Набокове, который в философии, устами своего героя философа Адама Круга в романе *Bend Sinister* и во многом перекликаясь с Уильямом Джеймсом, между *outer world* (время, пространство, материя) и *inner world* (жизнь, мысль, любовь) выбирает всегда без колебаний последнее. Ему вторит Брайен Уолтер:

Приверженность общему делу всегда у Набокова угрожает отдельному индивиду. (с. 213, наш перевод)

Если пользоваться современной терминологией, то Набоков не признавал того, что называется *grand narratives*, и вполне это выражается в его анти-историзме. Среди наиболее глубоких разработок этой темы нужно назвать эссе

проф. Александра Долинина о споре Набокова с историзмом в книге «Истинная жизнь писателя Сирина»¹ (именно оттуда мы заимствовали эту терминологию).

Однако современный человек, переживший романтико-позитивистский «конец истории», может сделать поспешный и поверхностный вывод о том, что Набоков не желает отречься от своеволия индивида и предпочитает забыть об истории ради сиюминутного, не веря в «вековечное» как в «записную тетрадь человечества» (Б. Л. Пастернак).

Здесь сразу следует сказать, что ещё в начале своей карьеры, например в «Путеводителе по Берлину» и «Письме в Россию», Набоков затрагивает «историческую» сторону вещей. При этом она не ограничивается для него насущным и политикой (именно с таким обманчиво очевидным, биографическим подходом Набоков и боролся), но развёртывается до содержательной связанности вещей и явлений с другими вещами и явлениями во времени. Хотя едва ли не с самого начала Набоков интерпретирует такую связанность, «связь времён» в духе персонализма и психологизма – как чьё-то будущее воспоминание (вероятно, не без влияния модернизма: ср. *the nightmare of history*, от которого хочет проснуться герой у Джеймса Джойса, и бергсоновскую теорию индивидуальной памяти у Пруста), она все же у него присутствует.

Анализируя рассказ «Василий Шишков», Максим Шраер пишет:

Предвосхищая переезд Набокова из Старого Света в некий Новый, «Василий Шишков» был его гармоничным, совершенным выходом из мира русской эмиграции. (с. 166, наш перевод)

Перу Маскима Шраера принадлежит написанная по-английски монография, посвящённая рассказам Набокова (переведена на русский язык). В опубликованной в данном сборнике статье он интерпретирует последний русскоязычный рассказ Набокова – в контексте биографии. Как ни критиковал Набоков копания в авторской биографии (ср. его слова об этом в «Лекциях по литературе»), с его прямо заявленной нелюбовью к более широкому контексту и ко всему, что уводит

¹ См.: А. Долинин, «Клио смеётся последней: Набоков в споре с историзмом» // А. Долинин, «Истинная жизнь писателя Сирина». СПб.: Академический проект, 2004. С. 177-198.

с индивидуального уровня, биографический подход представляется единственным идеологически не скомпрометированным, единственным санкционированным методом. Однако, как кажется, Набоков в «Василии Шишкове» затронул более универсальную тему.

Творческая работа без включённости в историческое «большое время» невозможна. Поэтому Набоков заставляет Василия Шишкова перенестись в своё творчество, раствориться в поэзии, стать достоянием *ars* в формуле *ars longa, vita brevis*. Это не означает, что с трагедией выброшенности из большого времени вынуждены были бороться только покинувшие Россию после 1917 года. На наш взгляд, тем же занимались, каждый по-своему, и М. М. Бахтин, и А. Ф. Лосев, и Л. Я. Гинзбург, и С. С. Аверинцев (не говоря уже об О. Э. Мандельштаме, который тоску по покинутой, насильно отторгнутой мировой культуре сделал первейшим предметом осмысления и творчества). Антикультурный порыв истории, прерывание связи времён угрожает личности. И эта угроза не менее реальна, чем угроза физической гибели. Набоков, нам кажется, пытался показать в «Василии Шишкове», что история может быть как недобрый и вульгарным политическим анекдотом, так и заповедным приютом для *ars longa*. То, что рассказ был дописан, а не был затерян в виде фрагментов и черновиков (как, например, роман «*Solus Rex*», или дополнения и продолжения к «Дару»), может, наверное, указывать на то, что мысль, в нём высказанная, имела положительный, утвердительный характер как для автора, так и воображаемого автором русскоязычного, эмигрантского читателя. Исчезает личность, за которую многие боялись и которую пытались спасти, но остаётся жить поэзия, след личности в большом времени.

Вспомним о том, какой была для Фёдора Годунова-Чердынцева мечта о возвращении на Родину. Эта мечта могла быть реализована только в истории, как он сам сознавал, хотя и не желая, вместе со своим создателем, называть *это* историей. И всё же речь идёт об истории, в данном случае истории литературы. В последней главе «Дара» мы находим слова Годунова-Чердынцева о надежде вернуться подстрочным примечанием в исследовательском труде и собственно своими книгами. И эта надежда для него историческая, «историко-литературная».

Трудно оспаривать право многих русских эмигрантов первой волны обижаться на историю. Понятны высказывания Петра Бицилли о метаистории, приводимые А. А. Долининым в его книге. Политические, наиболее активные и наиболее поверхностные, силы насильно суживали пространство русской культуры, выталкивая людей из большого времени, т.е. прерывая для них связь времён. А.Ф. Лосев, в записях В. В. Бибихина, относился к своему времени как к большой эпохе. Объяснимой реакцией же со стороны изгнанника было нежелание увидеть в истории надличные закономерности, уступить личность чему бы то ни было, просто потому что для человека вне связи времён, изгнанного из большого времени уступить свою личность означает погибнуть. Суть дара Набокова русской литературе в изгнании, нам кажется, в том и состояла, чтобы преодолеть исторический пессимизм изгнанников на путях искусства.

Говоря о недостатках сборника, следует назвать обилие опечаток и опять-таки сказать о слишком широкой разбросанности в подходах. Среди статей есть, например, образчик паракритического эксгибиционизма с его ничем не искупаемой игривостью тона. Вероятно, методологический винегрет и был целью редакторов-составителей. В таком случае, надо признаться, эксперимент выявил только проблемную среду и поле деятельности для последующего поколения набоковедов как в России, так и за рубежом.

Сергей Карпунин,

University of Wisconsin-Madison

